

PHILHARMONICA. International Music Journal

Правильная ссылка на статью:

Королькова И.В. — Новгородская музыкально-эпическая традиция – возможности реконструкции // PHILHARMONICA. International Music Journal. – 2021. – № 1. DOI: 10.7256/2453-613X.2021.1.35025 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35025

Новгородская музыкально-эпическая традиция – возможности реконструкции

Королькова Инга Владимировна

кандидат искусствоведения

доцент кафедры этномузыкологии Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова

190000, Россия, Ленинградская область, г. Санкт-Петербург, ул. Глинки, 2, ауд. 507

■ inga-korolkova@yandex.ru

[Статья из рубрики "Музыкальная этнография и фольклор"](#)

DOI:

10.7256/2453-613X.2021.1.35025

Дата направления статьи в редакцию:

10-02-2021

Аннотация.

В статье впервые ставится проблема реконструкции музыкально-эпических традиций Новгородской области. Объектом исследования выступают напевно-декламационные формы фольклора, типологически связанные с былинной традицией. Предметом изучения становятся их структурные и стилевые особенности. Впервые в одном источнике систематизируются все факты бытования музыкального эпоса, зафиксированные на территории Новгородской области разными собирателями, от слуховых нотаций слуховых нотаций А. К. Лядова (1890 год) до последних свидетельств бытования музыкально-эпической традиции (записи Ленинградской-Санкт-Петербургской консерватории 1980-1990 годов). В качестве сравнительных материалов использованы фольклорные образцы из Вологодской, Архангельской, Тверской областей. Некоторые музыкальные тексты публикуются впервые. Автором выделен жанровый состав музыкально-эпической области новгородского фольклора (скоморошины и небылицы, баллады, духовные стихи и поминальные песнопения), описаны виды композиционного строения основных образцов (одностиховые, тирадные и строфические). Исследованный материал дает основания предполагать, что в новгородских фольклорных традициях в конце XIX и на протяжении XX столетий были распространены способы мелодекламации, типологически родственные двум северорусским стилям - формульному кратко-напевному и рапсодическому. Делается вывод о том, что бассейн озера Ильмень и прилегающие территории были одним из тех мест, где происходило формирование этих

стилей. С одной стороны, обнаружение типологической близости новгородских и севернорусских форм музыкального повествования помогает определить структуру и оценить стилистику единичных фактов новгородского фольклора. С другой стороны, найденные параллели имеют принципиально важное значение для подтверждения новгородских корней северно-русских былинных традиций.

Ключевые слова: фольклорный архив, фольклорные жанры, Русский Север, локальные традиции, музыкальный эпос, баллады, духовные стихи, поминальные песнопения, Новгородский фольклор, народные песни

Постановка проблемы

В эпическом наследии России существует феномен – корпус былин новгородского цикла. Их поэтические тексты имеют свой круг действующих лиц и связанных с ними сюжетов, отличных от былин киевского цикла.

В истории изучения русского эпоса «новгородские» былины занимают особое место. Первое знакомство исследователей с былинными текстами началось с тех героев и сюжетов, которые были обнаружены в рукописи «Древних российских стихотворений, собранных Киршею Даниловым», и эти тексты составили в дальнейшем основу представлений о новгородском корпусе былин. Именно былина о Садко была исполнена Леонтием Богдановым для рыбаков у костра, рядом с которым оказался П. Г. Рыбников, и сильное эмоциональное впечатление от этой встречи послужило отправной точкой пути будущего собирателя.

Среди фольклористов до сих пор обсуждается так называемая «новгородская теория», В. Ф. Миллера, который обозначил роль новгородской колонизации в географическом распространении былин {4}. Несмотря на дискуссионность его концепции, в вопросах формирования русского эпоса невозможно не отметить значимость тех земель, которые являются местом действия былинных героев либо упоминаются в текстах. Однако поиски самих былин на территории Новгородской области никаких результатов не принесли. Аналогичная ситуация наблюдалась и в приграничных территориях Вологодской области, ранее относившихся к Новгороду, что отметила Е. Э. Линева по результатам экспедиции 1901 года в Череповецкий, Белозерский и Кирилловский уезды: «Былины в Новгородской губернии почти исчезли, кроме редких, единичных случаев. Воспоминание о героическом новгородском эпосе, насколько мне пришлось наблюдать, стерто бесследно. Остатки его унесли новгородские выходцы, переселившиеся к северу» {10, с. 91}.

В статье, приведенной в издании «Новгородские былины», В. В. Коргузалов осуществил опыт соотношения сюжетов былин новгородского цикла и напевов, с которыми они были зафиксированы. Согласно его исследованию, «новгородские» сюжеты были распространены в различных регионах бытования эпических традиций. По музыкальной стилистике напевы былин образуют две принципиально различные группы – импровизационные формы напевной декламации, исключая ансамблевое пение (Прионежье, Пинега, Кирша Данилов), и образцы коллективного исполнения (архангельские и донские). Ставя вопрос о поиске собственно новгородского музыкального стиля в эпической традиции, Коргузалов предположил, что его приметы следует искать в первую очередь «в бывшей Обонежской пятине и Двинском Заволочье на Пинеге» {7, с. 342}, а также в напевах сборника Кирши Данилова, связанных с пинежской традицией. Кроме того, ученый обратил внимание на возможность сравнения

эпических и причетных напевов, которая, по его мнению, могла бы помочь установить общность новгородских плачей и севернорусских былин.

Итак, если учитывать важность Великого Новгорода для формирования былинной традиции и предполагать возможность ее зарождения и развития на новгородских землях, то особенную актуальность приобретает поиск ответа на вопрос, какими были напевы новгородских былин? Есть ли у нас необходимые сведения и достаточные основания говорить об этом? Задача настоящей статьи – собрать все зафиксированные в новгородских деревнях факты, которые могли бы служить основой для реконструкции музыкального стиля новгородского эпоса, и выявить их структурные особенности. Среди таких фактов: поэтические тексты, связанные с традицией эпического повествования, напевно-декламационные формы фольклора и сведения о контексте их бытования.

Факты и их источники

В поисках сведений о музыкально-эпических традициях Новгородской области обратимся к материалам фольклорных экспедиций 1960-1990 годов. Большую ценность имеют полевые записи сотрудников Института русской литературы Российской академии наук (далее – ИРЛИ) и Новгородского педагогического института и опубликованные в издании «Традиционный фольклор Новгородской области» {22}. Огромное значение имеют результаты экспедиционного обследования Новгородской области, предпринятого в 1988-1991 годы преподавателями и студентами Ленинградской (Санкт-Петербургской) государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова (научный руководитель экспедиций – профессор А. М. Мехнецов). В ходе этой работы были выявлены факты фольклора и этнографические сведения, представляющие интерес в свете обозначенной темы. Отдельные примеры из новгородской коллекции консерватории включены в хрестоматию «Народные песни и наигрыши Новгородской области» {9}.

Небылицы и небывальщины были записаны на территории Новгородской области в разные годы. Одна из них имеет зачин «Посидите-ко вы, посидушечки» и центральный сюжетный мотив «сын на матери дрова возил». Известны две записи этой небывальщины с напевами – от Е. И. Громовой из с. Суворовского-Кончанского Боровичского района (экспедиция 1969 года ИРЛИ) и от А. П. Шварцевой и М. П. Ивановой из д. Заполье Любытинского района (экспедиция 1989 года Ленинградской государственной консерватории). Обращает на себя внимание строка текста «Старину скажу я, побывальщину» в первом варианте, отсутствующая в другой записи. Оба примера опубликованы {22, с. 12, 213; 8, с. 30-31}. В структурном и мелодическом отношении они близки и являются вариантами известного напева позднего происхождения, бытующего и с другими текстами, например – «Вдоль по Питерской». Во время записи, сделанной в д. Заполье, исполнительницы небылицы называли ее «старинной песней» и вспомнили о том, что она исполнялась на посиделках.

Вторая небылица с зачином «Это где такое виданное, это где такое слыханное» и этими же строками в качестве рефрена была записана в 1970 году от А. З. Семеновой в п. Пестово Пестовского района экспедицией Новгородского педагогического института. К сожалению, она включена в издание ИРЛИ лишь в виде поэтического текста, однако по структуре можно предположить возможность его исполнения на напев «Камаринского», что типично для бытования данной небылицы в других локальных традициях {22, с. 12}.

Несмотря на то, что эпических напевов с текстами небывальщин на Новгородчине не было записано, факт фиксации данных сюжетов очень важен. С одной стороны, небылицы дают возможность установить косвенную связь новгородской музыкальной

культуры с другими былинными традициями (в особенности, с пинежской), в которых данные сюжеты также бытовали, но имели иную – сказительскую форму интонирования. Если же предположить, что напевы небылиц имели плясовой характер, то это дает возможность рассмотрения их в контексте русского скоморошьевого искусства. Г. В. Лобкова, сопоставив исторические, этнографические источники и фольклорные материалы (записи, сделанные в Псковской и Архангельской областях, а также примеры из сборника Кирши Данилова), обозначила структурное родство скоморошин и небылиц с различными плясовыми напевами и инструментальными наигрышами, в том числе – исполняемыми на гуслях. Согласно ее выводам, небылицы и небывальщины были частью народной инструментально-плясовой традиции Древней Руси, следы которой сохранились в псковских и новгородских деревнях и непосредственно связаны с распространением гусельной игры {11}.

Основной объем фактов, способных пролить свет на особенности новгородской музыкально-эпической традиции, связан с песнопениями духовного содержания. Наиболее раннее свидетельство их бытования на территории Новгородчины зафиксировал А. К. Лядов. В 1890 году в Боровичском уезде Новгородской губернии он записал духовный стих о братьях Лазарях и песню калик перехожих «Уж мы нищая братия», впоследствии включив их в свой сборник обработок {13}. И. Б. Теплова, изучавшая нотации А. К. Лядова, сформулировала ключевой вопрос, связанный с атрибуцией его записей {20}. Были ли они сделаны от новгородских крестьян или записаны от нищих странников, шествующих через деревни Боровичского уезда? В пользу второй версии указывает тот факт, что информация о населенном пункте записи не указана, в отличие от нотаций песен других жанров, имеющих четкую отсылку к деревне Горюшка. Возможно, с этим же обстоятельством связана краткость приведенных музыкальных фрагментов и отсутствие дальнейших поэтических текстов, прокомментированное Лядовым фразой – «конец неизвестен». Каков был состав группы калик перехожих, голоса которых слышал композитор? Были ли среди них уроженцы других губерний России, или она состояла преимущественно из местных жителей?

Прямые ответы на эти вопросы невозможно получить. В поисках какой-либо информации стоит обратиться к тем фольклорным традициям Северо-Запада России и Русского Севера, в которых были зафиксированы обычаи хождения нищих-странников и песнопения, исполняемые ими. Наиболее ранние сведения о пении духовных стихов слепцами в Вологодской, Костромской и Вятской губерниях были получены Ф. М. Истоминым и С. М. Ляпуновым во время экспедиции 1893 года. Ф. М. Истомин в предисловии к сборнику описал «огромные сходы» нищих певцов, которые им довелось наблюдать на Вятке, и сделал важное наблюдение о территориальных перемещениях паломников, что может отчасти объяснять сходство репертуара певческих артелей из разных мест: «Вятские нищие отдельными партиями нередко уходят и за пределы Вятской епархии, распевая свои пропевы в более или менее известных обителях и пустынях, привлекающих к себе многочисленных богомольцев» {16; 132}. В контексте изучения народно-песенных традиций, бытовавших на территории современной Новгородской области, важное место занимают и факты, выявленные на сопредельных территориях, исторически связанных с Новгородом (северная и западная часть Вологодской области, районы Мологи и Верхневолжья, расположенные в Тверской области).

Песнопение «Уж мы нищая братия», записанное А. К. Лядовым, представляет собой вариант стиха, имевшего широкое бытование в русских деревнях в XIX веке. Это подтверждают примеры из сборника П. В. Киреевского «Русские народные песни»,

собрания П. А. Бессонова «Калики перехожие» и первые нотации, сделанные в последней четверти XIX века. Одна из музыкальных записей «Нищей братии» была сделана Т. И. Филипповым в городе Ржеве Тверской губернии и использована Н. А. Римского-Корсаковым в сборнике обработок «40 народных песен» {17}. Тексты песнопения имеют общий зачин, который свидетельствует о стабильности поэтической составляющей стиха, записанного в разных местностях. Сам текст основан на молитвенных формулах-обращениях нищей братии к живым, и включает мольбы, адресованные Господу о сохранении их на многие лета (в записях Т. И. Филиппова есть даже подзаголовок «засдравная»).

Во время экспедиций Ленинградской (Санкт-Петербургской) консерватории в восточные районы Новгородской области (1988-1989) и в Тверскую область (1990-1991, 1995-1997) песнопение «Уж мы нищая братия» записать не удалось. Однако собирателями были выявлены отголоски традиции пения калик перехожих и зафиксированы отдельные музыкальные образцы. В отличие от «засдравных» из сборников А. К. Лядова и Н. А. Римского-Корсакова, они имели иную функцию и связывались с поминовением умерших. Тем не менее, в поэтических текстах «засдравных» и «поминальных» песнопений были обнаружены сходные формулы молитвенного обращения к Богу и просьбы о подаянии. И. Б. Теплова отметила жанровую близость засдравных и поминальных стихов, бытовавших в среде нищей братии, и указала на публикацию записи «Да помянет, Господи, родителей ваших», сделанную Римским-Корсаковым с голоса Т. И. Филиппова, и «Господи, помяни всех отцов ваших да родителей», зафиксированную в Ярославской губернии в экспедиции Песенной комиссии с участием И. В. Некрасова, Ф. М. Истомина, Ф. И. Покровского {20, с. 135}.

Согласно комментариям, полученным от жителей д. Боровское Хвойнинского района, поминальные песнопения исполнялись в святочный период и были включены в зимние обходы дворов, с элементами ряжения и обязательного одаривания пришедших ритуальной пищей. «Это уже в Святки [было]. Ходили некоторые бабы, поминали родителей. Я сама рядилась "самокрутком". Сарафан длинный, [одевались] похуже, как посмешней.... < > Придешь в дом — чтобы тебе дали чего-то. Мы не голодные, а все равно чего-то давали: или колобушки, или рыбник, или что-то там. Дак, надо ж заслужить! Ну, вот, я начинаю помянуть родителей. Спросишь: "Разрешите, хозяйшка, хозяин, помянуть родителей ваших, родственников?" — "Пожалуйста!" — "Назовите их имена". Называют имена... Вот она подходит к иконе, крестится. Она еще начнет и плакать, на колени встанет, дак крестится. Каждого в этом доме своих родителей поминают, называют: "Помяни, Господи, того-то, того-то"» (Архив Фольклорно-этнографического центра Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова. Основной аудио фонд. № 2545-31,32. Далее – ФЭЦ СПбГК. ОАФ).

Сохранились воспоминания и о пении нищих-попрошаек. М. В. Захарова из Раменье Мошенского района связывала этот обычай с различными праздниками. «Столько попрошаек пойдёт — от стола не отходи! Как услышат, где какой праздник — так и ходят, и ходят. Нищие приходят, [их] просят помянуть родителей, [приговаривают]: "Помяни, Господи, вашу скотинку, детей, семейство"» (Архив ФЭЦ. ОАФ. № 2764-36). Она же рассказала и о хождениях слепых с поводырем. Интересно, что в рассказе М. В. Захаровой фигурируют термины, отсылающие к традиции церковных молений («славить», «дьячить»). «Слепые ходят. [Их] водака водит, мальчик ходил. Постукаются под окошком. Поют. Они спрашивают: "Можно прославить родителей?" Слепой подошел — [ему что-нибудь] дают, и яиц дают, расплачиваются. На то они и ходят. Потом они "Отче" [поют] — тоже дьячат в окошко» (там же).

Близкие по описаниям обычаи поминовения умерших нищими были зафиксированы в деревнях Теблешского сельсовета Бежецкого района Тверской области. К. В. Павлова, жительница села Теблеши, вспоминала о том, как сама ходила по домам с пением. «Беру корзиночку я. Беру палочку – ползком, или как... Иду – просить милостыню. Иду, постучусь. Открывают дверь – и спрошу. Пою им песню» (Архив ФЭЦ. ОАФ. № 3071-06).

Вторая запись, сделанная А. К. Лядовым в Боровичском уезде – духовный стих «Два Лазаря» – остается единичной фиксацией данного стиха на территории Новгородской области. К тому же периоду (1880-90-е) относятся слуховые нотации «Лазарей», осуществленные собирателями в ряде северо-западных и севернорусских губерний – Тверской, Олонецкой, Архангельской, Вологодской, Вятской и Костромской {1; 15; 16; 17}. Стих о братьях Лазарях присутствует и в записях Ленинградской консерватории, сделанных в 1990-е годы в зонах псковско-новгородского и новгородско-тверского пограничья (Порховский район Псковской области, Бежецкий район Тверской области).

Полевые исследования, проходившие в Новгородской области во второй половине XX века, смогли выявить лишь отдельные свидетельства бытования духовных стихов. Так, в ходе экспедиции Ленинградской (Санкт-Петербургской) консерватории 1989 году в поселке Неболчи Любытинского района от М. С. Ивановой, уроженки д. Подол Окуловского района, был записан духовный стих «Уж вы старицы, черноризницы» с сюжетом «расставание души с телом», а также два песнопения, восходящие к более поздней книжной традиции («Умоляла мать родная», «Жил юный отшельник»). По словам исполнительницы, все они именовались «стихами» и пелись в посту во время совместных работ по рукоделию. Девушки собирались в доме у пожилой женщины, которая и руководила пением. «Соберемся – там старушка была, она такая верующая. Песни петь нельзя, баловатца нельзя, сидим да токо прядём. “Ну, давайте, девчонки, стихи петь”. Вот это ейно. [Пели] только в пост» (Архив ФЭЦ. ОАФ. № 2731-08).

Следы бытования сказительской традиции на новгородских землях обнаруживаются в балладных песнях, связанных с такими значимыми для русского фольклора сюжетами, как «Вдова и сыновья-разбойники», «Оклеветанная невестка», «Муж-погубитель», «Жена-погубительница», «Мать прогоняет сына со двора», «Отец отдает сына во солдаты». Они были записаны экспедициями ИРЛИ в различных районах Новгородской области и частично вошли в издание новгородского фольклора с напевами {22}. Наиболее значимым событием стала фиксация баллады «Князь Михайло» с сюжетом о свекрови-погубительнице и эпическим напевом. Запись была сделана в 1976 году экспедицией Новгородского педагогического института в д. Чертицко Старорусского района от А. А. Тетюшиной и опубликована с полным поэтическим текстом и нотацией в виде 8 мелострок {22, с. 14-15, 213}. К сожалению, какие-либо комментарии об обстоятельствах функционирования данной баллады не приведены, а сама фонограмма в настоящий момент недоступна.

Родственные варианты данной баллады были зафиксированы и в других севернорусских традициях. По воспоминаниям Т. Ф. Лукичевой (80 лет) из д. Вирино Бабаевского района Вологодской области, записанным в 1983 году в ходе экспедиции Ленинградской консерватории, исполнение баллады «Князь Михайло» (а также стиха «Сон Богородицы», распеваемого на тот же напев) было приурочено к святочному обходу дворов ряжеными и завершалось просьбой об угощении: «Чайку да, сахарку да... Хлебца кусочик» (д. Вирино, Архив ФЭЦ. ОАФ. № 1434-37). По мнению Г. В. Лобковой, впервые обратившей внимание на эту запись, данный факт может быть иметь связь с обычаем пения калик-перехожих, просивших подаяние {12, с. 157}. Приведенные выше описания хождений нищих в дни различных церковных праздников (в том числе – в Святки) дают

дополнительные основания предполагать, что в репертуар певцов, обходивших дворы, могли включаться не только поминальные песнопения, но и баллады, и духовные стихи.

Зафиксированные в новгородских деревнях фольклорные тексты могут интонироваться на напевы, различные в структурно-типологическом отношении. Для того, чтобы ставить вопрос об их принадлежности к музыкально-эпической сфере народной музыки, попытаемся классифицировать имеющиеся образцы по композиционному признаку как наиболее актуальному для группировки форм повествовательного фольклора, а также учесть ритмический и звуковысотный уровни анализа.

Одностиховые напевы

Наиболее показательный пример одностихового эпического напева демонстрирует баллада «Князь Михайло» из д. Чертицко {Рисунок 1}. Ее текст составляют преимущественно восьмисложные двухакцентные строки с хореическими окончаниями. Напев характеризуется небольшой ритмической вариативностью в зоне анакрузы, где парная пульсация периодически нарушается появлением трехмерной ритмической ячейки.

№1. Баллада. Новгородская область, Старорусский район, д. Чертицко. Исп.: А. А. Тетюшина, 72 года. Зап.: 21.12.1976 {22, с. 213}.

Близкие по структуре образцы баллады «Князь Михайло» обнаружались среди пинежских вариантов {Рисунок 2}, а также в уже упомянутых записях из Бабаевского района Вологодской области {Рисунок 3}. Их отличия связаны с ритмическим оформлением анакрузы и длительностью заключительного слога {Рисунок 4}.

№2. Баллада. Архангельская область, Карпогорский район, д. Марьина Гора. Исп.: Е. М. Чуркина, 88 лет. Зап.: Астахова А. М. (текст), Гиппиус Е. В., Эвальд З. В. (напев), июль 1927 {2, с. 701}.

№3.Баллада. Вологодская область, Бабаевский район, д. Панкратово. Исп.: А. Я. Кузьмина, 1904 г. р. Зап.: 13.07. 1968. Архив ФЭЦ СПбГК. ОАФ. № 222-12. Нотация С. В Булкина {12, с. 170}.

	«Как поехал князь Михайло», д. Чертицко, Старорусский район {21, с. 213}
	«Как поехал сын Михайло», д. Панкратово, Бабаевский район Вологодской области {12, с. 170}
	«Как поехал князь Михайло», д. Марьино Гора, Пинежский район Архангельской области {2, с. 701}
	«Уж мы нищая братия», Боровичский уезд Новгородской губернии {13, с. 7}
	«Мы нищая братия», г. Ржев Тверской губернии {17, с. 18}
	«Вспомоюнем ваших сродников», с. Теблеши, Бежецкий район Тверской области (Архив ФЭЦ. ОАФ. №3071-06)

№ 4. Ритмическое строение вариантов баллад, заздравных и поминальных песнопений

При сравнении новгородской баллады с нотациями «Нищей братии», сделанными А. К. Лядовым и Т. И. Филипповым, выясняется, что все они являются версиями одного напева. «Заздравные» имеют сходную структуру поэтического текста и его ритмического оформления. Основное отличие напева, зафиксированного А. К. Лядовым, заключается в композиции: две мелостроки разного амбитуса чередуются друг с другом, создавая подобие вопросо-ответной структуры {Рисунок 5}.

Moderato

Уж мы, ни - ща - я бра - ти - я,
Мы у - бо - ги - е лю - ди,
Мы дол - жны Бо - гу мо - ли - ти - ся,
У Хрис - та ми - лос - ти про-сить...

№5. Песнопение, исполняемое каликами перехожими. Новгородская губерния, Боровичский уезд. Слуховая запись А. К. Лядова {13, с. 7}.

Близость к напеву эпической баллады обнаруживают и поминальные песнопения из Бежецкого района Тверской области. Несмотря на определенную интонационную и музыкально-временную подвижность бежецких напевов, в них отчетливо проявляется тенденция к стабилизации. Их мелодии основаны на вариативном повторении одной музыкальной фразы, соответствующей двухактным 7-9 сложным стиховым строкам. Важным свойством поэтических текстов этих песнопений является преобладание 9-сложных строк с дактилическим окончанием {Рисунок 6}.

$\text{♩} = 112$

Во - спо - мя - нем ва - ших срод - ни - ков,
Всех ва - ших ро - ди - те - лей,
На вой - не ни по - ги - ба - ю - щих,
На во - де ни по - то - па - ю - щих.
Гос - по - ди, Гос - по - ди, Гос - по - ди,
Дай ку - со - чек хле - буш - ка...

№6. Поминальное песнопение. Тверская область, Бежецкий район, с. Теблеши. Исп.: К.

В. Павлова, 1936 г. р. Зап.: Лобкова Г. В., Карамышева Н. П., 19.07.1990. Нотация И. В. Корольковой. Архив ФЭЦ СПбГК. ОАФ. № 3076-06.

Все сравниваемые в данном разделе мелодические варианты баллад, поминальных и заздравных песнопений относятся к разряду кратких узкообъемных напевов-формул. Несмотря на то, что пинежские и бежецкие образцы отличаются от новгородских примеров тоновым составом звукоряда, они реализуют сходный принцип соотношения трех ладовых опор, соответствующими двум акцентным зонам и последнему слогу {Рисунок 7}.

№7.Ладовые схемы одностиховых напевов

Цезурированный одностиховой напев

Единственным примером цезурированного одностихового напева выступает духовный стих о братьях-Лазарях, приведенный в сборнике А. К. Лядова {Рисунок 8}. В записи, сделанной композитором, отражена трехчленная структура песнопения, соответствующая стиховой строке с структурой 5+6+5 слогов. Со одной стороны, данный слоговой показатель позволяет сопоставить новгородский вариант с образцами из северных и западных губерний России, поэтический текст которых тяготеет к структуре 6+5 слогов. С другой стороны, трехчленная организация песнопения вызывает вопросы, поскольку варианты стиха о Лазаре, как правило, имеют двухзвенную композицию. Дискуссионность опубликованного Лядовым примера связана также и с тем, что композитор привел лишь одну мелостроку, таким образом, структура «Лазаря» не может быть интерпретирована однозначно.

№8.Духовный стих. Новгородская губерния, Боровичский уезд. Слуховая запись А. К. Лядова {13, с. 6}

Т. В. Тетерина, подробно рассмотревшая запись Лядова в контексте севернорусских вариантов стиха о Лазаре {21}, обратила внимание на слуховые нотации, сделанные во время экспедиций на Русский Север, организованных Песенной комиссией Русского географического общества (1886 год – г. Онега Архангельской губернии, нотация Г. О. Дютша; 1893 год – д. Печонкина Вятской губернии, нотация С. М. Ляпунова). Важно, что они относятся примерно к тому же временному периоду, что и нотация Лядова. По комментариям Ф. М. Истомина, участника обеих экспедиций, образцы были записаны от калик переходящих. Это может служить еще одним аргументом в пользу предположения о том, что исполнителями песнопений, слышанных Лядовым, могли быть именно нищие-паломники. Среди указанных наиболее важной является запись стиха о братьях-Лазарях, сделанная в Вятской губернии С. М. Ляпуновым, поскольку она начинается с трехчленной мелостроки. Дополнительной слоговой группе соответствует третья мелодическая ячейка. Однако дальнейший текст, приведенный в сборнике «Песни русского народа», имеет двухчленную структуру {Рисунок 9}

На воль-ном на све-те жи-ли два бра-та, о-ба Ла - за - ря...

№9. Духовный стих. Вятская губерния, Яранский уезд, д. Печонкина. Слуховая запись С. М. Ляпунова {16, с. 31}.

Среди записей стиха о Лазаре, сделанных в XX веке на территории западнорусских областей России, обнаруживаются примеры, в которых проявляются свойства трехчленности песенной строки. Некоторые трехчленные версии «Лазаря» приведены в Смоленском музыкально-этнографическом сборнике, изданном на основе полевых материалов Российской академии музыки им. Гнесиных {18, с. 478, 481, 488, 494}. Наибольший интерес представляют отдельные примеры тирадных композиций, включающих, наряду с двухчленными, трехчленные строки. Один из таких примеров – духовный стих, записанный в Бежецком районе Тверской области в той же местности, что и приведенные выше поминальные песнопения. Его основу составляют стиховые строки со структурой 6+6 слогов, однако некоторые строки имеют дополнительные слоговые группы с самостоятельным смысловым наполнением. Границы стиховых строк обозначаются исполнительницей более протяженным финальным тоном и паузой {Рисунок 10}.

Жи-ли бы-ли два бра-та, два бра-та род-ны - е.

И о-дин брат бо-га - той, а дру-гой у - бо - гой.

Бо-га-тый-от б(ы)-ра - тец, на-ва-рил он пи - ва, на-ку-пил он ви - на,

а ви-на зе-лё - ны-ва.

Собрал брат бо-га - той всех род-ных сво-их гос-тей.

Гос-ти те бо-я - ре, по - пы, ир-хи-ре - и, слу-ги те, ла-ке - и.

№10. Духовный стих. Тверская область, Бежецкий район, д. Игнатово. Исп.: У. С. Квашнина, 1911 г. р., Михайлова А. И., 1910 г. р. Зап.: Мехнецов А. М., Лобкова Г. В., лягинскова Е. А., 17.06.1991. Нотация Корольковой И. В. Архив ФЭЦ СПбГК. ОАФ. № 3155-44.

Сравнительные материалы позволяют убедиться в том, что трехчленная мелострока стиха о братьях-Лазарях, зафиксированная Лядовым, отражает один из возможных способов озвучивания данного текста. Интонационные особенности сопоставленных напевов подтверждают данное предположение. Вполне вероятно, что новгородский напев имел нормативную двухчленную структуру, но начинался с расширенной строки, которую и зафиксировал Лядов, также как и Ляпунов. Однако, не исключено, что форма стиха была трехчленной или же складывалась на основе чередования двух- и трехэлементных строк.

Напевы с тирадной композицией

Поминальное песнопение «Помяни, Господи», записанное в 1988 году в д. Боровское Хвойнинского района Новгородской области экспедицией Ленинградской консерватории, выделяется среди всех музыкально-поэтических текстов подобного рода. Во-первых, оно является единичным фактом и не имеет прямых аналогий среди поминальных стихов изучаемых традиций. Основу поэтического текста песнопения составляет перечисление имен умерших родственников, сочетающееся с поэтическими оборотами из поминальных молитв. Во-вторых, напев, дважды воспроизведенный певицей в течение одного сеанса записи, может быть назван своего рода импровизацией, которая базируется на слуховом опыте исполнительницы и музыкальных впечатлениях, связанных с воспоминаниями о пении нищих странников. При прослушивании песнопения можно обратить внимание на постоянное обновление интонационного содержания мелострок, что позволяет говорить о проявлении в нем черт сквозного строения.

Детальный анализ песнопения «Помяни, Господи» дает возможность рассмотреть его в контексте напевно-декламационных форм фольклора и провести аналогии с музыкально-эпическими образцами, имеющими тирадное строение (в особенности, с онежскими). Эти аналогии связаны с подвижностью стихового состава строк – от 7 до 15 слогов и свободной акцентностью, с тенденцией к стабилизации ударений в концах строк. Структурной особенностью песнопения является расширение предакцентных зон. Некоторые мелостроки сопоставлены друг с другом в звуковысотном отношении, что позволяет говорить о чертах тирадно-строфической композиции {Рисунок 11}.

По - ме - ни, да и Го-с(ы) - по - ди,
Да И - ва - на и Ма-р(и) - ю,
А - лек - са-н(ы) - дра и, и Ни-ки - туш - ку, —
И - ва - на да и Ма-р(и) - ю,
И Сте-па - ни - ду, и Ду - ню-шку, и Ма - рфу - шку.
По-ме-ни их, Госню - ди, да в сво - ё-м(ы) да и Ца-р(ы)-стве.
По - ме - ни, дай и - м(ы), Го-с(ы) - по - ди,
Лёг - ко - во ле - жа - ньи - ца, лёг-ко - во ле - жа - ньи - ца.
Да и зем - ли-ца, и зем-ли-ца-ма - туш - ка,
будь им пу - хом...

№11. Поминальное песнопение. Новгородская область, Хвойнинский район, д. Боровское. Исп.: Фокина О. Л., 1928 г. р., Иванова Н. Л., 1924 г. р., Быстрова В. А.,

1923 г. р., Норенкова В. А., 1934 г. р. Зап.: Мехнецов А. М., Шишкова (Смирнова) О. В., 08.08.1988. Архив ФЭЦ СПбГК. ОАФ. № 2545-32. Нотация И В. Корольковой.

Сходство с повествовательными формами фольклора проявляется и на интонационном уровне. Звуковой состав каждой строки воспроизводит варианты одной мелодической ячейки, в основе которой – нисходящее движение по тонам квинтового тетрахорда. Мелостроки имеют различную протяженность и дифференцируются по степени детализации интонационного процесса – некоторые из них представляют собой поступенное перемещение по тонам звукоряда или его части, а иные включают дополнительные элементы – опевания, повторы мелких мотивов. Обращает на себя внимание прием речитации на одном тоне в предакцентных зонах стиховых строк и вызывающий ассоциации как с эпическими напевами {3, с. 67}, так и с церковной псалмодией.

Разговор о тирадных формах музыкально-повествовательного фольклора Новгородской области невозможен без обращения к жанру причитаний. Образцы плачей с мобильными параметрами структуры были зафиксированы в разных частях Новгородчины, но наиболее ярко проявились в центральных и южных районах (Холмский, Маревский, Старорусский, Демянский). В контексте параллелей с эпическими напевами наиболее важными представляются варианты причитаний с тирадно-строфической композицией. Их строфы могут иметь состав от двух до пяти строк, образующих смысловую целостность. В мелодическом отношении строки демонстрируют разницу в высотном положении первого акцентного слога, а иногда и интонационную дифференциацию кадансовых зон.

Яркий пример плача с тирадно-строфической композицией был записан в д. Головково Демянского района от Н. Г. Козловой экспедицией Ленинградской консерватории в 1991 году. Ее версия напева реализована в широком амбитусе (малая нона), где основная мелодическая ячейка ограничена секстовым объемом, а зона субтонов включает секундовый и квартовый звуки. По своему мелодическому облику, довольно нетипичному для новгородских плачей в целом {8}, напев из д. Головково близок к пудожским причитаниям, которые имеют сходную ладовую модель и часто реализуются в тирадно-строфической композиции {5}. Структурное и мелодическое родство новгородских и пудожских плачей дает непосредственную возможность говорить о связях новгородских фольклорных традиций с онежской народной музыкальной культурой – регионом бытования былинных напевов рапсодического типа со строфами-тирадами. При сравнении рассматриваемого новгородского плача с онежскими старинами, интонационные и композиционные параллели возникают с основным былинным напевом заонежских сказителей Рябининых, наиболее известным с текстом «Королевичи из Крякова» {3, с. 85}. Сходство с ним обнаруживается в яркой начальной интонации, размещающей секстовый тон лада в зоне первого стихового акцента, а также в принципе кадансирования – неоднократном повторе второй музыкальной фразы, сопровождающей новые строки поэтического текста {Рисунок 12}.

♩=150

Ра-спа-ха-ла я, си-ро-ту-шка, ши-ро-ка-ю-та у-ла-чку,
И па-са-ди-ла я, си-ро-ту-шка, куд-ря-ва-ю бе-рё-зуш-ку.
И ся-ду под сво-ё ведь я ко-ся-шша-я ведь толь-ка о-ко-ша-чка.
Ни при-ля-тит ли вот мо-я у-да-ла-я го-ло-ву-шка
Вот пи-ря-лёт-най се-рай-та пта-ше-чкай,
Вот на куд-ря-ва-ю-та бя-рё-зу-шку.

№12. Поминальное причитание. Новгородская область, Демянский район, д. Головково. Исп.: Козлова Н. Г., 1931 г. р. Зап.: Мехнецов А. М., Неудачина (Зилотина) Е. А., Сахно Е. С., 22. 07.1991. Архив ФЭЦ СПбГК. ОАФ. № 3211-63. Нотация И. В. Корольковой.

Песенные формы

Песенные формы музыкального повествования, зафиксированные в Новгородской области, связаны с текстами некоторых баллад («Как лихое коренье свекровушкино», «Как у Дунюшки, у голубушки», «Что жена с мужем не в ладу жила»), небылицы «Посидите-ко вы, побеседуйте» и духовного стиха «Уж вы старицы, черноризницы». Их общим свойством является цезурированный стих с двумя стабильными акцентами тонического типа и двухстиховая строфическая организация с мелостроками неповторного строения.

Баллады и небылицы сочетают в себе признаки музыкально-эпических форм фольклора с чертами лирической распевности. Ладовые и интонационные особенности некоторых напевов позволяют обнаружить влияние городской песенности. Наиболее соответствует раннему стилю лиро-эпического повествования напев баллады «Что жена с мужем не в ладу жила». Она была записана сотрудницей сектора фольклора ИРЛИ Т. И. Орнатской в 1963 году от С. В. Яковлевой в поселке Крестцы Крестецкого района и опубликована в виде одной строфы {Рисунок 13}. Согласно нотации, различия между мелостроками минимальны – они касаются протяженности последнего тона, а также проявляются в ритмической и интонационной вариативности зоны зачина, что сближает напев баллады с однострочными вариантами.

№13. Баллада. Новгородская область, Крестецкий район, п. Крестцы. Исп.: Яковлева С. В., 60 лет. Зап.: Орнатская Т. И., 20.02.1963 {22, с. 214}.

Особенного внимания заслуживает духовный стих «Уж вы старицы, черноризницы», записанный от М. С. Ивановой из д. Подол Окуловского района {Рисунок 14}. Образец имеет строфическую структуру с рефреном, соответствующим по объему стиховой строке («Алилуия, Господи, помилуй»). Обе части напева различаются по мелодическому материалу, что является важным аргументом в трактовке формы стиха как песенной. Некоторые строфы воспроизводятся певицей стабильно, но в отдельных строках рефрен опускается. Ненормативной является и первая строфа. В ходе исполнения М. С. Иванова варьирует количественно-слоговой состав строк в смысловой части строфы, в результате чего напев тоже оказывается подвижен как во временном, так и в интонационном отношении. Думается, что данные особенности характеризуют конкретный певческий акт и связаны с ситуацией вспоминания текста, которая и повлекла за собой нарушения структуры. Тем не менее, напев узнаваем и может быть сопоставлен с другими его вариантами, бытовавшими в северо-западных и западных областях России. В Смоленской и Калужской областях данный тип напева бытует в различных композиционных версиях – с рефреном в объеме строки, с рефреном и повтором второго полуступиши либо в строфической бесприпевной форме. Песенная строфа в различных вариантах может иметь как контрастное, так и повторное строение мелострок. Есть и примеры с одностиховой композицией. С вариантами рассматриваемого напева исполняются, преимущественно, тексты, связанные с поминальной тематикой. Напев известен и в старообрядческих традициях, где исполняется, например, с сюжетом «расставание души и тела» и зачинами «Уж вы ангелы, вы архангелы», «Уж вы голуби, уж вы сизые» и др. {5, с. 135-136; 18}.

Интонационный контур и ладовые свойства новгородского напева позволяют сопоставить его с однострочными образцами напевной декламации, рассмотренными выше. Особенностью версии М. С. Ивановой является квартовый звукоряд со 2-й низкой ступенью, сближающий мелодию стиха с вариантами поминальных песнопений из Бежецкого района Тверской области.

♩=92

[Две] ста - ри - цы, чёр - но - риз - ни - цы,
жи - ли - бы - ли.

А - ны спа - са - ли - ся, Бо - гу мо - ли - ли - ся,
А - ле - лу - и - я, Го - спо - ди, по - ми - луй.

К ним я - ви - ли - ся два свя - те - их ан - ге - ла,
А - ле - лу - и - я, Го - спо - ди, по - ми - луй.

А - ны спра - ши - ва - ют у свя - те - их ан - ге - лей,
А - ле - лу - и - я, Го - спо - ди, по - ми - луй.

Где вы бы - ли, ку - да ле - та - ли,
А - ле - лу - и - я, Го - спо - ди, по - ми - луй.

№14.Духовный стих. Новгородская область, Любытинский район, п. Неболчи. Исп.: Иванова М. С., 1919 г. р. Зап.: Получистова (Федотовская) О. А., Паненкова Л. И., 16.01.1989. Архив ФЭЦ СПбГК. ОАФ. № 2731-09.

Итоги исследования

Жанровая структура песенных традиций Новгородчины позволяет выделить музыкально-эпическую область фольклора, в составе которой – скоморошины и небылицы, баллады, духовные стихи и поминальные/здравные песнопения. На основании сведений, полученных в экспедициях, реконструирован контекст их исполнения обозначены

основные формы функционирования – зимние посиделки («беседы»), постовые собрания, обходы дворов в Святки и другие большие праздники.

Временной интервал фиксации музыкально-эпических форм на территории современной Новгородской области охватывает столетие – от наиболее ранних записей, сделанных А. К. Лядовым (1890 год), до последних свидетельств бытования традиции напевного повествования, полученных в экспедициях Института русской литературы (1963, 1968, 1969 годы), Новгородского педагогического института (1970, 1976) и Ленинградской (Санкт-Петербургской) консерватории (1989–1991 годы). Напевы духовного стиха «Два Лазаря» и песнопения «Нищая братия», впервые отраженные в нотациях Лядова, вероятно, были характерными формами музыкально-эпического повествования в артелях нищих странников разных губерний Северо-Запада России, о чем свидетельствует типологическое родство их вариантов в записях конца XIX века. Тем не менее, фиксация данных напевов во второй половине XX века на территории Новгородской, Архангельской и Вологодской областей от местных уроженцев (в том числе – с другими сюжетами) дает основания предполагать, что музыкальный репертуар калик переходных формировался на основе интонационного фонда крестьянской песенности.

Разрозненность и малочисленность напевно-декламационных форм, отсутствие записей напевов с былинными текстами не дают возможности однозначно ответить на вопрос: пелись ли былины в Древнем Новгороде и на какие напевы? Мы никогда уже не сможем узнать об этом наверняка, поэтому каждое из свидетельств музыкально-эпического прошлого новгородской земли приобретает особую ценность. Историческое значение зафиксированных фактов может быть осознано с учетом двух параметров – территории, на которой они были зафиксированы, и взаимоотношений имеющихся примеров с образцами северно-русского музыкально-эпического фольклора.

Музыкально-эпические жанры фольклора, отраженные в экспедиционных материалах, связывают различные точки на карте Новгородской области, расположенные в центральной, восточной и северной зонах. Историческое значение имеет запись эпической баллады «Князь Михайло» в южном Приильменье (Старорусский район), поскольку именно эта территория непосредственно связана с наиболее ранним расселением племени новгородских словен.

Типологические черты музыкально-эпического фольклора, зафиксированного на Новгородчине, определяются принципами акцентного стихосложения текстов и ритмической организацией напевов, связанной с просодией стиха. Разнообразные в мелодическом и ладовом отношениях, новгородские напевы имеют важное общее свойство – они опираются на речевые интонации повествования-сказывания и воплощают различные их варианты. Приемы формообразования, отмеченные в представленных образцах, свидетельствуют о бытовании в новгородской песенной культуре основных видов композиции – одностиховой, тирадной и строфической.

Итак, в новгородских фольклорных традициях в конце XIX и на протяжении XX столетий были распространены способы мелодекламации, типологически родственные выявленным на Русском Севере (прежде всего – в Заонежье и на Пинеге). Это – следы обоих стилей – кратко-напевного формульного и рапсодического. Вероятно, бассейн озера Ильмень и прилегающие к нему территории действительно были одним из тех мест, где происходило формирование этих стилей. Кроме того, можно предполагать развитие на Новгородчине песенных видов музыкального эпоса, а также ставить вопрос о возможности реконструкции музыкально-инструментальной скоморошья традиции. С одной стороны, обнаружение типологической близости новгородских и севернорусских

форм музыкального повествования помогает определить структуру и оценить стилистику единичных фактов новгородского фольклора. С другой стороны, найденные параллели имеют принципиально важное значение для подтверждения новгородских корней северно-русских былинных традиций.

Библиография

1. Агренева-Славянская О. Х. Описание русской крестьянской свадьбы с текстом и песнями: обрядовыми, голосильными, причитальными и завывальными. В 3-х ч. Ч. 3. Плачи и причитания по умершим и по рекрутам; стихи великопостные; былины и легенды; старинные песни и величания; сказки, загадки, пословицы, прибаутки. Москва : типография А. А. Левенсона, 1889. – 213 с.
2. Астахова А. М. Былины Севера. Том второй. Прионежье, Пинега и Поморье. Москва, Ленинград : Издательство академии наук СССР, 1951. – 849 с.
3. Былины. Русский музыкальный эпос / Сост. составители Б.М.Добровольский, В.В. Коргузалов. Москва : Советский композитор, 1981. – 614 с.
4. Иванова Т.Г. «Малые» очаги севернорусской былинной традиции. Исследование и тексты. – С-Пб. : «Дмитрий Буланин», 2001. – 455 с.
5. Кастров А.Ю. Напевы пудожских причитаний тирадно-строфической композиции. Русский фольклор. Т. XXIX. Санкт-Петербург : Наука, 1996. С. 192–241.
6. Кому повем печаль мою: духовные стихи Верхотамья. Исследования и публикации / Под ред. И.В. Поздеевой. Москва : Данилов ставропигиальный мужской монастырь, 2007. – 330 с.
7. Коргузалов В. В. Напевы былин новгородского цикла // Новгородские былины / изд. подг. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. Москва : Наука, 1978. – С. 342–354.
8. Королькова И. В. Напев причета и его лики // Музыка и время / Гл. ред. Л. Д. Беленов. Москва : Научтехлитиздат, 2020. № 1. С. 47–56.
9. Королькова И. В. Народные песни и наигрыши Новгородской области. Хрестоматия по музыкальному фольклору из экспедиционных коллекций Фольклорно-этнографического центра имени А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова. Санкт-Петербург : СПбГК, 2014. – 48 с.
10. Линева Е. Э. Деревенские песни и певцы. Из поездки по Новгородской губернии: по уездам Череповецкому, Белозерскому и Кирилловскому // Этнографическое обозрение. – 1903. – Кн. 56, № 1. – С. 78–97.
11. Лобкова Г. В. Гусельная игра Древней Руси // Русская народная песня. Стиль, жанр, традиция. Сборник научных статей. Л. : ЛОЛГК, 1985. – С. 90–101.
12. Лобкова Г. В. Особенности эпических напевов Вологодской области / Г. В. Лобкова // По следам Е. Э. Линева : сб. Науч. Ст. / ред.-сост. А. В. Кулев. – Вологда : Обл. науч.-метод. центр культуры и повышения квалификации, 2002. – С. 150–185.
13. Лядов А. К. Сборник русских народных песен (ор. 43) / А. К. Лядов. – Лейпциг : издание М. П. Беляева, 1898. – 40 с.
14. Лядов А. К. 50 песен русского народа для одного голоса с сопровождением фортепиано из собранных в 1894-1899 и 1901 гг. И. В. Некрасовым, Ф. М. Истоминым и Ф. И. Покровским. Переложил Анатолий Лядов / А. К. Лядов. – СПб.: изд. Песенной комиссии ИРГО, 1903. – 84 с.
15. Песни русского народа собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 году. Записали Ф. М. Истомин и Г. О. Дютш. Санкт-Петербург : Изд-во ИРГО, 1894. – 244 с.

16. Песни русского народа: собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 году. Записали слова Ф.М. Истомин; напевы С.М. Ляпунов. Санкт-Петербург : Изд-во ИРГО, 1899. – 279 с.
17. Римский-Корсаков Н.А. 40 русских народных песен, записанных Т. И. Филипповым и гармонизованных Н. А. Римским-Корсаковым. Москва : Изд. П. И. Юргенсона, 1882. – 64 с.
18. СклЯрова Е. А. Особенности функционирования «беседных» стихов, псалм в фольклорной традиции Верхотамья / Е. А. СклЯрова // Национальные культуры Урала. Традиционные культы и верования. – Екатеринбург : АМБ, 2007. – С. 94–102.
19. Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т. 2. Похоронный обряд. Плачи и поминальные стихи / Ред. Пашина О. А., Енговатова М. А. Москва : Изд-во «Индрик», 2003. 552 с.
20. Теплова И.Б. «В поисках древнейшей прародины»: новгородские записи народных песен А. К. Лядова // Непознанный А. К. Лядов. Сборник статей и материалов / Ред. Сост. Т.А. Зайцева. Челябинск : Изд-во МРІ, 2008. – С. 110–136.
21. Тетерина Т.В. Духовный стих с сюжетом «Два Лазаря» в записи А. К. Лядова (опыт историко-текстологического исследования) // Статьи и материалы: VI Международная научно-практическая конференция «Традиционная празднично-обрядовая культура и современность» / ред.-сост. И. П. Никитина. Псков : Изд-во ООО «Логос», 2018. – С. 82–95.
22. Традиционный фольклор Новгородской области (по записям 1963–1976 гг.): Песни. Причитания // Изд. подгот. В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, М.А. Лобанов, В.В. Митрофанова. Ленинград : Наука, 1979. – 349 с.